УДК 347.73

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО: ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТА К ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА

Каширская Юлия Олеговна

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Оренбург, Россия

Аннотация: Статья исследует, как цифровизация трансформирует бюджетное право России, превращаясь из вспомогательного инструмента в самостоятельный правовой институт. Анализ законодательства 2025-2026 годов демонстрирует закрепление системы "Электронный бюджет" в Бюджетном кодексе и обязательность электронного документооборота. Особое внимание уделяется расширению казначейского мониторинга с автоматизацией принудительных мер, таких как блокировка операций. Также рассматривается интеграция искусственного интеллекта в бюджетное планирование и нерешенная проблема ответственности за его решения. Выявлены системные трудности: несоответствие технической оснащенности и доступности регулирования для граждан, а также риск чрезмерного контроля над получателями средств.

Ключевые слова: бюджетное право; цифровизация; бюджетный процесс; финансовый контроль; бюджетное планирование; цифровые права; прозрачность бюджета.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON BUDGET LAW: FROM A TECHNICAL TOOL TO THE TRANSFORMATION OF LEGAL MATTER

Yulia Olegovna Kashirskaya

O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Orenburg, Russia

Abstract. The article examines how digitalization is transforming Russia's budget law, evolving from an auxiliary tool into an independent legal institution. The analysis of legislation from 2025-2026 shows the establishment of the "Electronic Budget" system in the Budget Code and the mandatory nature of electronic document flow. Special attention is given to the expansion of treasury monitoring with automation of enforcement measures, such as transaction blocking. The integration of artificial intelligence in budget planning and the unresolved issue of accountability for its decisions are also discussed. Systemic difficulties have been identified: a mismatch between technical capabilities and accessibility of regulations for citizens, as well as the risk of excessive control over fund recipients.

Keywords: budget law; digitalization; budget process; financial control; budget planning; digital rights;

budget transparency.

Цифровые технологии перестали быть второстепенным элементом бюджетного процесса. Они глубоко проникают в структуру бюджетного права, порождая новые правовые институты, переосмысливая права и обязанности участников и трансформируя системы надзора. Если десять лет назад "Электронный бюджет" рассматривался как удобный информационный слой поверх традиционных бюджетных норм, то к 2025-2026 годам цифровые платформы становятся обязательной правовой реальностью, без которой осуществление бюджетных полномочий станет невозможным.

Доктринальное осмысление этого сдвига началось с работ Н. А. Поветкиной о «цифровом бюджете», где было предложено рассматривать цифровизацию бюджетной сферы системно, а не фрагментарно [6, с.9]. В её концепции выделяются три взаимосвязанных аспекта: бюджет, формируемый и исполняемый с использованием цифровых технологий; бюджет, значительная часть расходов которого направлена на финансовое обеспечение цифровизации государственного управления; и «криптобюджет» — обособленная часть бюджета, формируемая за счёт обязательных платежей в альтернативных денежных средствах. Принципиально важным является вывод о том, что все эти аспекты должны рассматриваться исключительно в системном режиме, поскольку цифровизация бюджетной сферы влияет на все направления государственной деятельности, обеспечивая их ресурсами [6, с.10].

Спустя несколько лет - это предсказание реализовалось в полной мере: цифровые системы перестали быть надстройкой над бюджетным процессом и превратились в его обязательное условие. Научная литература фиксирует формирование новой модели управления государственными финансами, где комбинация технологий позволяет перейти от ретроспективного контроля к предиктивному анализу рисков и проактивному планированию. Ключевыми принципами этой модели названы прозрачность, интеграция данных, автоматизация и вовлечённость граждан [7].

В последние годы произошло знаменательное событие: в Бюджетный кодекс Российской Федерации была добавлена специальная глава, посвященная информационному обеспечению бюджетного процесса. Это свидетельствует о фундаментальном сдвиге от регулирования на уровне подзаконных актов к закреплению на законодательном уровне цифровой инфраструктуры как неотъемлемой составляющей бюджетной деятельности.

С позиции правового регулирования, данное положение имеет ряд существенных последствий. Во-первых, предусматривается обязательное использование системы "Электронный бюджет" для субъектов бюджетного процесса федерального уровня, при этом для органов власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований

устанавливаются поэтапные сроки перехода. Во-вторых, закрепляется необходимость применения единых классификаторов, справочников и реестров во всех информационных системах, функционирующих в сфере бюджетных правоотношений. Данная мера направлена на унификацию правоприменительной практики и снижение вероятности возникновения случаев неправомерного использования полномочий на местах. В-третьих, происходит трансформация формы бюджетно-правовых актов: проект федерального закона о федеральном бюджете вносится в Государственную Думу в электронном виде на протяжении нескольких лет. Как отмечается в литературе, начиная с бюджетного цикла 2019–2021 годов проект закона о федеральном бюджете представляется в электронном виде без использования бумажных носителей, а разработка законопроекта ведётся в подсистеме «Бюджетное планирование» системы «Электронный бюджет», что обеспечивает прозрачность работы и единый формат справочной базы [5, с.112].

Научная литература фиксирует расширение подходов к пониманию категории «бюджет»: наряду с традиционными материально-правовой, экономической и публично-правовой точками зрения формируется информационно-правовой подход, в рамках которого «Электронный бюджет» рассматривается как сложившийся информационный ресурс, обладающий признаками вида информации в финансовом праве. Практическая значимость этой системы подтверждается и прикладными исследованиями: она обеспечивает сквозную прозрачность бюджетного цикла и минимизацию транзакционных издержек, хотя реализация её потенциала сдерживается ведомственной разобщённостью и дефицитом цифровых компетенций [5, с. 109].

Цифровизация оказывает наиболее значительное воздействие на сферу финансового контроля. В отличие от прежнего казначейского контроля, который фокусировался на отдельных транзакциях с бюджетными средствами, современный казначейский мониторинг охватывает всех субъектов, участвующих в системе казначейских платежей. Следовательно, под контроль попадают не только прямые получатели бюджетных ассигнований, но и обширный спектр организаций, имеющих отношение к бюджетной системе.

С 1 сентября 2026 года вступает в силу новая редакция статьи 242.13-1 Бюджетного кодекса РФ, предусматривающая расширение объёма операций, подлежащих казначейскому мониторингу [1]. Федеральное казначейство получает полномочия анализировать операции на лицевых счетах получателей средств федерального бюджета, бюджетных и автономных учреждений при перечислении средств контрагентам за выполненные работы, оказанные услуги, поставленные товары [3].

Перечень санкций, применяемых в ответ на выявленные риски, является обширным и включает в себя: отказ в открытии счета, временное приостановление его открытия, запрет на совершение операций и их временное приостановление. В качестве оснований для применения

данных мер могут выступать, в частности, сведения о причастности к экстремистской или террористической деятельности, нахождение под контролем субъектов, включенных в соответствующие реестры, а также регистрация в офшорных зонах. В контексте бюджетного права данная ситуация характеризуется расширением автоматизированных мер принуждения, что порождает дискуссии в доктрине относительно гарантий прав субъектов и возможности оспаривания решений, принятых на основе алгоритмической обработки данных.

Показательно, что мониторинг охватывает широкий круг организаций, работающих с бюджетными средствами любого уровня, включая региональные и муниципальные учреждения, получающие средства из федерального бюджета. Обмен информацией между Федеральным казначейством и региональными финансовыми органами осуществляется через систему межведомственного электронного взаимодействия или «Электронный бюджет», что создаёт единое цифровое пространство контроля. Как отмечается в официальных разъяснениях, поэтапное распространение казначейского мониторинга на всех участников системы казначейских платежей предусмотрено с 1 сентября 2026 года для федерального бюджета, с 1 июля 2027 года - для других бюджетов бюджетной системы РФ с лицевыми счетами в Федеральном казначействе, и с 1 июля 2028 года - с лицевыми счетами в финансовых органах субъектов РФ. [3]

Отдельного внимания заслуживает внедрение технологий искусственного интеллекта в процессы бюджетного планирования. В бюджетном цикле 2025–2027 годов Минфин России впервые применил нейросеть для автоматизации сопоставления кодов бюджетной классификации с результатами мероприятий, точность которой превысила 80%. В перспективе планируется интеграция AI-агента на базе GigaChat в «Электронный бюджет» для обработки изменений в структуре бюджетных статей и снижения нагрузки на специалистов примерно на 70% [7].

Возникает нетривиальная правовая проблема для бюджетного права: в случае, когда алгоритм принимает решения о классификации расходов или оценке их эффективности, возникает вопрос об ответственности за возможные ошибки. Действующее законодательство, регулирующее бюджетный процесс, не предусматривает норм, определяющих правовой статус автоматизированных систем, принимающих решения. Несмотря на то, что в настоящее время такие системы выполняют лишь вспомогательные функции, очевидна тенденция к их дальнейшему развитию. В связи с этим, правовая система должна будет выработать механизмы, позволяющие определить ответственность за решения, принятые в цифровой среде. Анализ зарубежного опыта в области применения искусственного интеллекта для публичного бюджетирования выявил, что наиболее позитивно оценивается функционал обнаружения аномалий. Однако, существенными остаются проблемы, связанные с доступностью данных и

интеграцией систем, что является важным фактором при оценке отечественных инициатив.

Несмотря на неоспоримые успехи, внедрение цифровых технологий в управление государственными финансами сопряжено с возникновением системных вызовов. Увеличение объема контрольных функций поднимает вопрос о границах допустимой автоматизации. Бюджетное законодательство исторически стремится к гармоничному сочетанию строгости контроля и предоставления самостоятельности распорядителям бюджетных средств. Однако, цифровые решения, такие как расширяющийся казначейский мониторинг, смещают этот баланс в пользу контрольных структур, что может привести к чрезмерному вмешательству в операционную деятельность организаций.

Кроме того, остаётся разрыв между технической оснащённостью и понятностью нормативного регулирования для граждан: открытость данных сама по себе не обеспечивает прозрачности, если опубликованная информация не интерпретируется без специальных знаний. Исследователи отмечают необходимость «перевода» сложных юридических текстов на доступный язык, однако такие практики пока не получили распространения.

Влияние цифровизации на бюджетное право не ограничивается техническим переоснащением. Речь идёт о качественном преобразовании правовой ткани: возникновении новых институтов (информационное сопровождение бюджетного процесса, казначейский мониторинг), преобразовании контрольных механизмов (автоматизированные блокировки, алгоритмическое исполнение решений), изменении статуса участников (обязательное использование электронных систем, ограничение бумажного документооборота). Бюджетное право постепенно включает цифровые системы в свой предмет, однако доктрина пока отстаёт от законодателя: вопросы ответственности алгоритмов, гарантий прав при автоматических блокировках и границ цифрового контроля остаются нерешёнными. Дальнейшее развитие, вероятно, потребует не только совершенствования технической инфраструктуры, но и создания нового блока норм — «цифрового» блока бюджетного права, регулирующего отношения между человеком, алгоритмом и бюджетными ресурсами.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. Федерального закона от 24.06.2025 № 158-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
2. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 № 158-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).
3. Об утверждении Правил проведения Федеральным казначейством казначейского

мониторинга и применения мер реагирования : постановление Правительства РФ от 27.07.2026 № 941 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).

4. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : [утв. Минфином России] // Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. — 2025. — URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 26.10.2026).
5. Пешкова Х.В. «Электронный бюджет» как информационный ресурс в финансовом праве / Х.В. Пешкова // Наука.ру. — 2025. — С. 109–116.
6. Поветкина Н.А. «Цифровой» бюджет: будущее или настоящее? / Н.А. Поветкина // Финансовое право. — 2019. — № 8. — С. 8–11.
7. Хайртдинов И.Р. Правовое регулирование бюджетного планирования в условиях внедрения цифровых технологий / И.Р. Хайртдинов // Молодой учёный. — 2026. — № 612.